

О. С. ШИРОКОВ

БАЛТО-АЛБАНО-СЛАВЯНСКИЕ ГЛОТТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПО ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Балтийские, албанский и славянские языки отчерчиваются от других индоевропейских языков двумя важнейшими из реконструируемых фонологических изоглосс: от германских, греческого и других их отделяет изоглосса кентум/сатэм, от арийских, армянского, того же греческого и других — изоглосса треугольного/четырёхугольного вокализма. Насколько можно судить по реликтовым данным некоторых „палеобалканских“ языков (фригийского, фракийского, дако-мизийского, дардано-пэонского), они также принадлежали к этому глоттогенетическому кругу в индоевропейском ареале.

С точки зрения современной сравнительно-исторической фонологии к группе кентум следует относить такие индоевропейские языки, которые дают возможность для внутренней реконструкции (в прадиалекте) двух заднеязычных рядов (менее глубокого и более отодвинутого назад), дополнительно (по крайней мере в некоторых позициях) различающихся лабиализованностью¹. К группе сатэм следует относить такие языки, которые дают возможность для внутренней реконструкции (в соответствующем индоевропейском прадиалекте) менее отодвинутого и более глубокого заднеязычных рядов, дополнительно различающихся (не обязательно во всех позициях и во всех словах) палатализацией (или ассибиляцией, также продвижением места артикуляции в среднеязычную или переднеязычную область) превелярного ряда. Ни балтийские и славянские, ни албанский, ни палеобалканские языки не обнаруживают (по крайней мере в надежных этимологиях) следов лабиализации поствелярных и в большинстве позиций выявляют древнюю палатализацию и ассибиляцию превелярных².

¹ В соответствии с этим критерием ни один из реликтовых „палеобалканских“ языков, античной эпохи (засвидетельствованных глоссами античных авторов), т.е. языки мессапов, иллирийцев, дарданов, дако-мизийцев, фракийцев, возможно, и фригийцев, нельзя причислить к группе „кентум“.

² Широков О. С. Современные проблемы сравнительно-исторического языковедения. — М., 1981.

Четырехугольный вокализм реконструируется в таких индоевропейских языках, где слились (перестали различаться) рефлексy индоевропейских кратких **a* и **o*. Пятичленный треугольный вокализм сохранялся в кельтских, италийских (с венетским), греческом, армянском языках; в арийских нейтрализовались **e*, **a*, **o* и вокализм остался треугольным; четырехугольный вокализм (с симметричным противопоставлением на верхнем подъеме **i : *u*, на средне-нижнем — **e : *a*) развился в германских, славянских, балтийских, армянском, анатолийских³.

Четырехчленный четырехугольный вокализм		пятичленный треугольный вокализм		трехчленный треугольный вокализм
i u		i u		i u
e a ←		e o ⇒		a
		a		
(герм., слав., балт., алб., хет.-лув.)		(кельт., венетск., итал., греч., арм.)		(арийск.)

Поскольку выявляются балто-албано-славянские фонологические схождения, то можно предположить возможность выявления этимологических схождений в лексике. Предварительно можно выделить несколько таких слов (часто имеющих и „палеобалканские“ параллели, иногда агнео-кучанские)⁴.

1. Во Фракии была крепость *Врѣдаи* близ нее селение *Burdipta*; ср. эти названия с названием другого фракийского селения — *Burdapa*, где почитались нимфы *βουρδαπῆραι*⁵. Во второй части сложных слов выделяется **apa*

³ Широков О. С. Албано-балто-славянский и германский (Опыт славянской и индоевропейской глоттохронологии). — В кн.: Тезисы докладов, предназначенных для обсуждения на I Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания. Минск, 1961, с. 1—4; он же. Индоевропейские диалекты и славяно-германские лингвистические связи. — В кн.: Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969, с. 5—11; он же. Источники наших знаний об изоглоссах общеиндоевропейского диалектального континуума. — В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. Москва—Нальчик, 1977.

⁴ Албанский этимологический материал взят нами в основном из работ Ст. Мэнна: Mann St. Indo-European Semivowels in Albanian. — *Language*, 1941, Jan.—Mar., p. 12—32; Indo-European Vowels in Albanian. — *Language*, 1951, July—Sept., p. 379—383; Indo-European Consonants in Albanian. — *Language*, 1952, Jan.—Mar., p. 31—40; An Albanian Historical Grammar. — Hamburg, 1978. Необходимые поправки и дополнения сделаны на основании работ Э. Чабея: Çabej E. Studime gjuhësorë. — Prishtinë, 1978.

⁵ Георгиев В. Траките и техният език. — София, 1977, с. 70, 75, 178.

‘вода’, первая часть восходит к **bhr̥dh-* (лит. *birdà* ‘жидкая грязь’; ср. *Birdau-See* в Пруссии; др.-рус. *бърние* ‘глина, грязь’; лит. *bridaũ, bristi* ‘идти вброд’), **bhrodh-* (лит. *brãdas* = ст.-слав. БРОДЪ, м.б., массапский гидроним *Bradanus*), **bhredh-* (лит. *brendũ* ‘иду вброд’, алб. *breth* ‘бродить, скакать’, ст.-слав. БРЕДѢ, БРЕСТИ; ст.-чеш. *břistie* ‘брод’ = куч. В *preçciye* ‘тина’), **brēdh-* (алб. аор. *brodha* ‘я бродил’; рус. диал. калинин. *бред* ‘брод в озере’)⁶. Возможно, этот же индоевропейский корень, но в другом значении, отражен и др.-англ. *brēdan*, др.-фриз. *brēden* ‘прыгать, скакать’ (ср. в алб. *breth* ‘бродяжничать, гулять, шататься, прыгать, скакать’), др.-исл. *bræða* ‘стремиться, торопиться’. В балто-албано-славянском ареале с этим корнем связано название некоторых деревьев: рус. диал. *брѣд* ‘лоза; ива’, рус. диал., укр. *бредина* ‘ива, верба, ракета’, алб. *breth* ‘ель’ (м.б., лтш. *priēde* ‘сосна’??).

2. Другое название **тони, болота**, а также **ила, тины, глины**: ст.-слав. **БЛАТО**, рус. *болото* (лит. *bãltas* ‘белый’; венг. оз. *Balaton*, лит. *balà* ‘болото’), алб. *baltë* (рум. *baltã*, н.-греч. βάλτα, далм. *balta*, рето-ром. фриул. *palte*, сев.-ит. ломбард. *palta*, пьемонт. *pauta*).

3. В болоте прорывался **водоотводный канал**: алб. *lug* (тур. заимств. *uluk, oluk*), можно предположить о родстве с иллир. ἔλος Λούγεον (Strab. УП 314), греч. (из иллир.?) λυγοῖος ‘темный’, и.-е. *lug-* (отражен также в алб. *legate* ‘лужа, болото’, лтш. *luga* ‘трясина, глина’, *lugava* ‘слякотная погода’, ст.-слав. **ЛЪЖА** ‘канавка’), *leug-* (лит. *liũgas* ‘слякоть, трясина’, лтш. *luga* ‘студень’), **loug-* (рус. *лужа*, также диал. курск., бел., укр. *луг*, польск. *lug* ‘щёлок’). При подсечном земледелии выжженный участок леса заливался водой, откуда название щелока (древнейшие заимствования из диалектов балто-албано-славянского ареала в протогерманский, ср.: др.-исл. *laug* ‘вода для мытья’, *ask-laug* ‘зольный щёлок’)⁷.

4. Характерны названия двух **деревьев** (которые могут указать на возможную область балто-албано-славянских контактов). Рус. *лезговый (лесковый) орех*, лит. *lazdà* ‘палка; орешник’, лтш. *lagzda* (м.б., лит. *lazdà* ‘ореховая палка?’), прус. *laxde* ‘ореховый куст’, алб. *lajthí, ledhí* ‘лесной орешник’. Лит. *skrõblas (skruõblas)* ‘бук’, диал. *skroblus* ‘граб’, лтш. *skãbaris, skabaĩga* ‘граб’, прус. *scoberwis* — и алб. *shkozë* ‘бук’. Данные палеоботаники дают основания предполагать, что зона орешника, бука и граба могла быть к западу от Одера и Днестра и к северу от Балкан (Старой Планины). Другое название граба: серб.-хорв., *грѣб*, польск. *grab*, рус., укр., бел. *граб*, родственно с прус.

⁶ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. — М., 1964, с. 259.

⁷ Ср.: Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (К проблеме прародинны славян). — Минск, 1963, с. 166–168.

wosi-grabis 'бересклет', макед. (из иллир. или фрак.?) γράβιον 'древесина дуба; факел', н.-греч. диал. (эпир.) γράβος 'дуб'.

5. Общее название **коровы**: лит. *kàrvė*, польск. *karw* 'старый ленивый вол', ст.-слав. **КРАВА**, алб. *ka* 'вол' (из* *karv-*; в германских, кельтских и италийских родственный корень имел значение 'олень' — лат. *cervus*, кимр. *carw*, др.-исл. *hjertr*, др.-англ. *heorot*, др.-в.-нем. *hiruz*, что непосредственно соответствует прус. *sirwis* 'косуля', лтш. *sirna*, ст.-слав. **СРЪНА**).

6. Скот перегоняли. Для соответствующего глагола был использован и.-е. корень **g^hhen-*/**g^hhon-* (в других языках он имеет лишь первоначальное значение 'бить'): лит. *genù*, ст.-слав. **ЖЕНЪ**, **ГОНИЪ**, алб. (*për*)*zë* (с дальнейшим семантическим развитием — 'загонять' → 'ловить, схватывать').

7. Со скотоводческим и земледельческим хозяйством связано измерение **времени**. Для названия года только в балтийских и албанском использовано производное с суффиксом **-to-* от глагольного корня, отраженного в хет. *mai-*, *miia-* 'расти, созреть' (ср. хеттские производные *maiant-* 'зрелый, совершеннолетний мужчина', *miiaḥ-unt-eš* 'возмужать, состариться'; при обозначении времени: *uitti meiani-* 'многие, букв. созревшие, годы', *mehur* 'время'⁸), лит. *mėtai* 'год' (*mėtas* 'время'), лтш. *mets* 'промежуток времени', прус. *mettan* 'год', алб. *mot* (диал. *motmot*) 'год; погода' (←**mēto-s*, также м.б. рус. *заметить*, *отметить*, *меткий*⁹, тот же корень в вост.-лит. *tuo-mėl* 'сразу' = гот. *mel* 'время', др.-исл. *mál*, др.-в.-нем. *māl* 'момент, миг; раз').

8. Другое название **времени** — прус. (вин. п. ед. ч.) *kīsmān* 'время, минута', ст.-слав. **ЧАСЪ**, алб. *kohë* 'время; погода' (и.-е. **k^hēso-s*, **k^hēsā*, по-видимому, отглагольное образование, ср.: лтш. *kuōst*, срб.-хорв. *kācāmi* 'торопиться, спешить, бежать', нем. *hasten*, *Hast*)¹⁰.

9. Только в балтийских, славянских и албанском индоевропейское название **клыка животного** (др.-инд. *jāmbha-s* 'клык', греч. γόμφος 'деревянный

⁸ Допустимо предположение, что этого же корня и индоевропейское название созревших плодов: хет. *maḥlaš* 'виноградная лоза', греч. μῆλον 'яблоко' (м. б. алб. *mollë* 'яблоко').

⁹ Ср. схожее семантическое развитие *zod* — *угодить*.

¹⁰ Якобсон Г. (*Scando-Slavica*, 1958, N 4), сопоставив семантически славянское **ЧАСЪ** с лат. *tempus* (от *tempo* 'режу, делаю зарубки'), сравнивал его с лит. *kàsti* 'копать', *kasýti* 'чесать', лтш. *kasīt* 'царапать, скрести, сгребать'. Если принять эту этимологию, то допустимо сравнение алб. *kohë*, слав. **ЧАСЪ**, с одной стороны, с рус. *чесать*, *коса* (волосы), лит. *kasà*, ср.-ирл. *cír* 'гребень', хет. *kišša-* 'причёсывать' (ср. др.-инд. *kaśchu-ṣ*, авест. *kasvi-š* 'чесотка, сыпь'), с другой стороны, с рус. *косить*, *коса* (орудие), алб. *korr* 'косить, собирать урожай' (*korrík* 'июль', *korrë* 'лето; жатва'); и то и другое, возможно, сравнимо с др.-инд. *çásati*, *çásti* 'режет', лат. *castrāre*. Схожее семантическое развитие можно усмотреть при сопоставлении греч. χρόνος 'время' и Κρόνος 'оскопителъ Урана'.

гвоздь, шип', др.-англ. *cimb* 'зажим, тиски', др.-в.-нем. *chamb* 'гребень'¹¹, греч. γομφίος 'клык', макед. κόμβουζος ὀδόντας γομφίους Hesych.) было перенесено на зуб человека: лтш. *zùobs*, ст.-слав. ЗѢБЪ, алб. *dhëmb* (но ср. также и в агнео-кучанском: А *kat*, В *kete* 'зуб'; в основе лежит глагольный корень: др.-инд. *jambhate* 'схватывает зубами', каузатив *jambhayati* 'уничтожает, дробит', авест. *zambayadvāt* 'раздробляете', осет. *зәмбын* 'зевать', далее алб. *dhëmb*, *dhëmbet* 'болит, больно', лит. *žẽmbti* 'резать', *žẽmbiù* 'разрезаю, крою', *žẽmbi* 'раздирает, прорастает', *žãmbėju*, *žãmbėti* 'прорастать', рус. *прозябать*, *зябь*, *зябнуть*).

10. К этим албано-балто-славянским исключительным соответствиям можно добавить несколько слов и форм, имеющих арийские параллели (иногда также и армянские). Форма вин. п. ед. ч. личного местоимения I лица в арийских и албано-балто-славянских восходит к и.-е. **mēt*: прус. *mien*, ст.-слав. *МЯ*, алб. *тиа*, др.-инд. и др.-перс. *mām* (ср. **mek-* и хет. *amtuk*, гот. *mik*, венет. *техо*, м.б. греч. ἐμέ, μέ; лат. *mēd* → *mē*). Название **бороды**, **подбородка** имеет формант *-*r-*: лит. *smãkras*, *smakrà*, лтш. *smakrs*, алб. *tjekërr* (тоск. *tjekrë*), др.-инд. *çmaçru*, арм. *tawruk* (ср. без этого распространителя ирл. *smech*, лат. *māla*, *maxilla*). Общее название **козы**, **козла**: лит. *ožỹs* (лтш. *āzis*, прус. *wossux*, *wosee*), ст.-слав. **ІАЗЬНО** '(козья) кожа' (лит. *ožinis*), алб. *dhi* 'коза', *edh* 'козлёнок', др.-инд. *ajá-s* 'козёл', *ajā* 'коза', *ajina-* 'козья шкура'¹². Название **горы**, **скалы**: слав. **ГОРА**, (лит. *nùgara* 'спина' сопоставляют со словами того же корня — лит. *gìrė*, *girià* 'лес', лтш. *dzirė*, прус. *garian* 'дерево'), алб. *gur* 'скала. камень', др.-инд. *giri-s*, авест. *gairi-* 'гора' (м.б., греч. δειρός 'холм' из **g^herjós-s?*). Только в албано-балто-славянских и арийских языках указательное местоимение **jo-s*, **jā* стало специально употребляться для присоединения к существительному определений и приложений и как артикль (связующий и обычный): лит. *geràs-is sūnūs*, *gëro-jo sūnaūs* = ст.-слав. **ДОБРЪ-ЈЪ СЫНЪ**, **ДОБРА-ЈЕГО СЫНОУ**, лит. *geró-ji duktė*, *gerōs-ios dukteřs* = ст.-слав. **ДОБРА-ЈА ДЪШТИ**, **ДОБРО-И ДЪШТЕРЕ**, алб. *plep i verdhë* 'зеленый тополь', *degë e plepit* 'ветка тополя', *rosë e bardhë* 'белая утка', *lule e trëndafililit* 'цветок розы'; в древнеиндийском (ведийском) это местоимение употреблялось, подобно балтийским и славянским, в постпозиции после прилагательных (но только в именительном падеже): *áçvā hiraṇyavarṇā pṛthupājaso ye* 'кони золотистые широковеркающие (те)'; в авестийском оно согласуется в падеже и числе и

¹¹ В качестве шипов, гвоздей, а также зубьев у гребня первоначально использовались клыки (вепря, медведя) и рыбы зубы.

¹² Ср.-ирл. *ag* 'бык, козел', м.б., родственно не этому слову, а арм. *егп* 'бык', др.-инд. *ahī* (авест. *azi*) 'сутельная корова, сужеребая кобыла'.

ставится (как в албанском) между существительным и последующим определением: *kharəm uəm ašavanəm* „того священного осла“, *tāiš šyaoðanāiš yāiš vahištāiš* „теми достойными деяниями“, *imqm daēnqm yqm āhuirīm* „эту религию Ахуры“, *máðrəm yim haurvitāto* (формула благорасположения), также в древнеперсидском: *kāra hya bābairuviya* „войско вавилонское“, *yauna tyaiu (h)uškahyā uta tyaiu drayahyā* „ионийцы (те) материка и (те) на море“ (если прилагательное все же стоит перед существительным, то, как и в албанском, местоимение-артиклъ ему предшествует: *hya aniya kāra pārsa* „то другое войско персидское“)¹³.

11. Схождения албано-балто-славянских языков с германскими носят обычно специальный, нередко „технический“ характер (что бывает чаще лишь при поздних культурных контактах и не говорит об особом исконном родстве)¹⁴: прус. *dalbtan* ‘долото’ (ср. лит. *delbti* ‘потупить глаза’, *dálba* ‘рычаг’), рус. *долото* (ср. *долбить*), алб. *daltë* (рум. *daltă*) ‘долото’, др.-в.-нем. *bitelban* ‘зарытый’, др.-англ. *delfan* ‘зарывать’; ст.-лит. *drāgēs* ‘дрожжи’, лтш. *dradži* ‘вытопки, шкварки’, прус. *dragias* ‘дрожжи’, ст.-слав. ДРОЖДИЕ, алб. *dra* ‘вытопки, выжарки’, др.-исл. *dregg* ‘дрожжи’; лит. *dīrginti* ‘дергать, раздражать’, *drugys* (лтш. *drudzis*) ‘лихорадка’, ст.-слав. ДРЪЖАТИ, ДРЫГАТИ(СА), алб. *drudh* ‘давить, толочь’, *drudhe* ‘крошка’, др.-англ. *tergan*, ср.-н.-нем. *tergen*, *targen* ‘рвать, дергать’, ср.-в.-нем. *zergen*; лит. *spygljys* ‘вертел, шип’, ст.-алб. *fill* ‘кончик’, др.-в.-нем. *spil* ‘наконечник копья’; лит. *šauti* (*šauja*, *šovė*), лтш. *šaut*, ст.-слав. СОВАТИ (соответствие лит. *š* = слав. *s* говорит об и.-е. **skou-*), алб. *hedh* ‘бросать’, др.-исл. *skjóta*, др.-англ. *scéotan* ‘совать, бросать’, др.-в.-нем. *sciozan* ‘schiessen’; лит. *kraupūs* ‘шершавый, шероховатый’ (*kruĩpa*, *krũpti* ‘делать неровным, грубым’), ст.-слав. КРОУПА, алб. *kripë* ‘соль’, др.-исл. *hrjúfr*, др.-англ. *hréof* ‘грубый, острый’; лит. *vilg(y)ti* (*vilgau*) ‘мочить’ (лтш. *vilgt*; *velgs* ‘влажность’, *valgs* ‘влага’), ст.-слав. ВЪЛГЪКЪ, алб. *lag* ‘мочить’, др.-в.-нем. *wēlc*, *wēlh* ‘влажный, мокрый’ (с этим корнем родственны др.-ирл. *folc* ‘поток’, *folcaim* ‘мочу, мою’, *fliuch* ‘мокрый, влажный’, кимр. *gwlyb*); лит. *triūsti* ‘хлопотать’, ст.-слав. ТРОУДЪ, алб. *tredh* ‘оскоплять, кастрировать’, гот. *uspriutan*, др.-исл. *þrjóta* ‘прекращать(ся), исчезать’, др.-англ. *þreotan* ‘изнурять’; жемайт. *trúotas* (лтш. *truõts*) ‘точило’, ст.-слав. ТРАТИТИ, алб. *tret* ‘растворять, плавить, изнурять’, гот. *þroþjan* ‘обделывать, обрабатывать; упражнять’. Только в албано-балто-славянском и германских

¹³ Ср.: Fraenkel E. Die baltischen Sprachen. — Heidelberg, 1950, S. 82—83; 83; Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. — М., 1964, с. 245.

¹⁴ Stang Chr. S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. — Oslo—Bergen—Tromsø (Skrift utgitt av het Norske Videnkaps-Akademi i Oslo. II. Hist.-Filos. Klasse. Ny Serie, No. 11), 1971.

название **муки** образовано с распространителем *-*u*-: лит. *māliava* ‘зерно для помола’, серб.-хорв. *млѐво*, рус. (диал.) *мѐлево*, алб. *miell* ‘мука’, др.-исл. *mjǫl* (дат. п. ед. ч. *mjǫlvi*), др.-англ. *melu* (дат. п. ед. ч. *melwi*), др.-в.-нем. *mēlo* (род. п. ед. ч. *mēlawes*) ‘зерно для помола’ (ср. в кельтских с суффиксом *-*to*-: ср.-кимр. *blawd*, брет. *bleut*); от этой основы производное на *-*n*-: лит. *malūnas*, прус. *malunis* ‘мельница’, алб. *mullí* (от общеиндоевропейского корня **mel-*, **mol-*, отраженного в лит. *mālti*, *malù*, гот. *malan* ‘молоть’, агн. *A malywēt* ‘давишь, топчешь’, куч. *B mely-* ‘топтать, толочь’, хет. *malla-* ‘молоть’, др.-инд. *mṛnāti* ‘давит’, греч. *μύλλω* ‘мелю’, *μύλῃ* ‘мельница’, арм. *malem* ‘толку, дроблю’; но только в албано-балто-славянских этот глагол вошел в спряжение на -*i*-: лит. *maliaũ*, лтш. *maļu*, ст.-слав. *МЕЛЛѢ*, алб. *bluj*, *mbluj* ‘мелю’); от этого же корня название растения: нем. *Melde* ‘лебеда’ (ср. то же семантическое развитие — в укр. *мучнік* ‘лебеда’), палеобалк. (фракийское? дакийское?) *βλίτον* ‘белена’.

12. Схождения с германскими иного рода (помимо культурных взаимовлияний) не столь многочисленны: лит. *blaīvas* ‘трезвый’, м.б., родственно со ст.-слав. *БЛѢДЪ*, алб. *bledhurë* ‘зелёный’ (*bleroj* ‘зеленею’, *i blertë* ‘зелёный’), др.-англ. *blāt* ‘бледный’, двн. *bleiza* ‘бледность’; лтш. *briēdis* ‘лось, олень’, алб. гег. *brī* ‘(олений) рог’ (мессапск. *βρένδιον ἔλαφον*, Hesych.; *βρέντιν ἡ κεφαλὴ τοῦ ἐλάφου*, Hesych.), швед. диал. *brind(e)*, норв. *bringe* ‘лось’, диал. *brund* ‘самец северного оленя’; лит. *riebūs* ‘сытый; обильный, урожайный’, лтш. *riēba*, *raība* ‘отвращение, возмущение’, алб. *rrebë* ‘каприз, возбуждение, гнев’ (*i rrebët* ‘ужасный’), др.-англ. *ripe*, др.-в.-нем. *rīfi* ‘зрелый, спелый, обильный’, норв. *ripa* ‘срывать плоды (с куста)’: лит. *vilnis* (лтш. *vilnis*) ‘волна’, ст.-слав. *ВЛЪНА*, *ВЛЪНА*, *ВЪЛАТИ* ‘приводить в волнение’, алб. *valë* ‘волна, вал; бурлящий кипяток’, гот. *wulan*, др.-в.-нем. *wallan* ‘кипеть, бурлить’, др.-англ. *wyll* ‘источник, родник’, др.-в.-нем. *wëlla* ‘волна’ (ср. также осет. *у́лән* ‘волна’; с другим суффиксом — авест. *varəmi-š*, др.-инд. *ūrmī-s* ‘волна’); лит. *vežti* ‘вязать, сжимать’, ст.-слав. *ПОВРѢСТИ* (-*ВРЪЗЖ*) ‘связать’ (рус. *пóвороз*, польск. *powróż* ‘верёвка, канат’), *ОТВРѢСТИ* ‘открыть’, алб. *vjerdh* ‘отнимать (букв. отвязывать) от груди (ребенка)’, *urdh* ‘плющ’, др.-в.-нем. *wurgjan* ‘давить’, др.-исл. *virgill* ‘веревка, узел, связка’ (этот корень с измененным значением отражен в арийских: др.-инд. *vrajá-s* ‘двор, огороженное место’, *vṛjána-s* ‘община’, авест. *varəz-* ‘запирать’, *varəzāna-*, др.-перс. *vardana-* ‘община’, м.б. афг. *vuža*, мунжанск. *virž* ‘нить’; ср. также ирл. *fraigh* ‘плетень’, греч. *ἐρχάτω* ‘привязываю’, *ὄρχατος* ‘сад’); лит. *žárnà* (лтш. *zafna*) ‘кишка’, алб. *zorrë*, др.-исл. *gorn* (др.-англ. *zearn*, двн. *garn*) ‘кишка, бечева’. Только в албано-балто-славянских и германских числительное ‘десять’ имеет суффиксальный

элемент *-t-*: лит. *dėšimt* (лтш. диал. *desimt*, прус. *dessimpts*), ст.-слав *ДЕСАТЬ*, алб. *dhjetë*, гот. *taihun* (*-n-* сохранилось перед отпавшим *-t*).

Все эти сходжения можно истолковать как отражение определенной ареальной общности, охватывавшей ряд сближавшихся диалектов общеиндоевропейского праязыка. Этот диалектальный ареал не был абсолютно единым, он мог быть изборожденным в разных направлениях еще более древними изоглоссами, частично объединявшими отдельные его участки с диалектами других ареалов (ср., напр., известные славяно-арийские изоглоссы). Но в целом это были близкие диалекты, предки албанского, балтийских, праславянского языков, контактировавшие на западе (или северо-западе) с протогерманскими, на юго-востоке — с протоарийскими диалектами. Можно предположить, что албано-балто-славянская ареальная общность была на территории Центральной и Восточной Европы, в областях к северу от Дуная. В таком случае мы не можем принимать гипотезу об автохтонности албанцев и должны принять гипотезу о приходе на Балканы с севера или северо-востока предков фракийцев, дако-мизийцев и других народов „сатэм“, обитавших в античное время к северу от Греции.

SMULKMENA

LIII

Lietuvių senųjų raštų ir tarmių dat. sg. formos *mānie* ‘man’, *tāvie* ‘tau’, *sāvie* ‘sau’ neretai lingvistinėje literatūroje traktuojamos kaip paveldėti senieji datyvai, o *māni*, *tāvi*, *sāvi* — kaip pirmykščiai lokatyvai, žr. Endzelīns J. Baltu valodu skaņas un formas, Rīgā, 1948, lpp. 162, lietuv. vertimo p. 147–148; Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, II, V., 1981, p. 48. Tačiau greičiausiai yra atvirkščiai: iš seno asmeninių įvardžių datyvai bus turėję formų pabaigą *-i*, taigi *māni*, *tāvi* < **meni*, *tevi* iš ide. **mehhi*, **tebhi* (plg. Szemerényi O. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, S. 198, rus. vertimo p. 230), o formos su *-ie* < **-ei*, taigi *mānie*, *tāvie* < **menei*, **tevei*, tėra ankstyvi perdirbimai, turintys tą pačią galūnę kaip *i* resp. priebalsinių kamienų daiktavardžiai, plg. *vāgie* ‘vagiui’, *sēserie* ‘seseriai’ < **vagei*, **seserei*.

Z. Zinkevičius